9(4)
К78

Красные партизаны Кустаная

Казкрайоблиз
1934

9(4)
К-78

9,47
К-78

Г17232
во

ПРОВЕРЕН

Красные **партизаны** Кустаная

Под редакцией
Грушина И., Кальментьева,
Воробьева и Ужгина С

В-К. Обл. Библиотека
им. „Гоголя"
Детское Отделение

Казакстанское
Краевое Издательство
Алма-Ата—Москва
1934

Грушин и др. Красные партизаны Кустаная. Издание первое.
Казакстанское краевое издательство. Алма-Ата, 1934 г.

Редактор **Д. И. Кац**
Тех. ред. **Е. Б. Черневский**
Обложка работы **Вл. Тигина**
Корректор **С. Селянин**

Сдано в набор 19/V-34. Подписано к печати 25/VII-34 г.
Бумага 55×82/16. Тираж 10000
Об'ем 6¾ авт. л., бум. л. 8. Знаков в п. л. 33600
Инд. ЭК-5в. Заказ № 279

Уполномоч. Главлито № 0239

Типография треста „Полиграфкнига" им. X годовщины КазАССР.
Заказ № 651. Адрес типографии: Алма-Ата, Карла Маркса, д. 51.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Кустанайское краснопартизанское антиколчаковское восстание, пятнадцатую годовщину которого пролетарии Кустаная отмечали 6 апреля 1934 года, до сих пор в должной мере не освещено в нашей литературе о гражданской войне. Между тем, политическое значение этого восстания колоссально. В самом деле, 25 тысяч бедняков, середняков и рабочих захватили в глубоком тылу Колчака большую территорию, заняли город Кустанай и угрожали городу Троицку. Восстание разрослось очень быстро и положение в тылу белых стало настолько серьезным, что адмирал Колчак лично распорядился снять с фронта лучшие белые части и под командой генерала Сахарова, ставшего потом военным министром Колчака, направить их под Кустанай на усмирение восстания. Отряд Сахарова состоял из каппелевцев, бузулукского офицерского полка, шести рот под командой капитана Дементьева и нескольких небольших отрядов, сформированных в Троицке и Челябинске.

В частности, под Кустанай были направлены части генерала Гопнера, уже вполне подготовленные к отправке на фронт. С грустью пришлось признать бравому генералу Гопнеру, ныне занимающемуся за границей писанием воспоминаний, что „было еще и другое обстоятельство, которое, как мы думали, заставит отложить наш выход на фронт. В середине апреля нам приказали выделить особый отряд для подавления восстания в Кустанайском уезде. Это было уже третье восстание в одном и том же уезде, в связи с появлением банд комиссара Жиляева в этой области.

Два восстания были подавлены карательными экспедициями, причем „каратели“ не забыли пополнить свой обоз как лошадьми, так и повозками и иным имуществом, взятым из домов „караемых“. Рассказывали, что такие деревни, из которых добровольцы ушли в Красную армию, даже сжигались. Второе восстание подавил Сахаров со своим отрядом, очистив Кустанай, причем Жиляев с небольшой кучкой приверженцев успел уйти в киргизские степи, а оттуда, надо думать, ушел в Туркестан. Все-таки в середине апреля он опять появился верстах в 30 от Кустаная. Против него выслали наш отряд, в который я выделил шесть рот под командой капитана Дементьева“. (Ген. Гопнер. „Начало и конец Колчака“. Сборник под редакцией С. А. Алексеева. ГИЗ, стр. 63 — 65, 1927 г.).

Снятие с фронта белых частей и отсрочка посылки на фронт подкреплений помешали Колчаку развернуть боевые операции, а, следовательно, усилили фронт красных. Следует подчеркнуть, что Кустанайское восстание было первым массовым восстанием в Сибири, открывшим эпоху непрерывной борьбы красных партизан с колчаковщиной.

Таким образом, основное значение Кустанайского восстания заключается в том, что оно было первым сильным ударом в спину Колчаку, ударом по фронту белых. Белые не могли окончательно разгромить восстание. Большая часть красных партизан ушла на Туркестанский фронт, отдельные отряды ушли в Акмолинскую область, а одиночки разбрелись по всей Сибири и потом примкнули к партизанам, поднимавшим знамя восстания. Эти отряды и одиночки были своего рода дрожжами, способствовавшими ускорению выступлений крестьян против войск „верховного правителя“ Сибири.

Необычайно жестокое подавление восстания (было убито, замучено и повешено 18 тысяч человек) привело совсем не к тем результатам, которых добивались белые. Население было возмущено зверствами колчаковцев. Кустанайцы, находившиеся на фронте, заволновались. Лучший 44 полк белых, состоявший из кустанайцев, после восстания стал быстро „таять“, и его пришлось расформировать. Кустанайский округ был наводнен

дезертирами, — в Колчаковской армии из кустанайцев остались только кулаки да купеческие сынки.

Антиколчаковская агитация усилилась. Одиночки — представители колчаковской власти — боялись появляться в селах и деревнях. Белым пришлось рассылать по всему округу карательные отряды. Усилился террор.

Восстание окончательно определило отношение крестьян к советской власти. Целиком оправдались слова В. И. Ленина о том, что „крестьяне (Сибири) пришли к большевизму не из наших проповедей, а из собственного опыта".

Дорогой ценой заплатили крестьяне Кустанайского округа за обучение классовой борьбе. Штыком, виселицей, плетью вбил Колчак в сознание кустанайских крестьян мысль о необходимости тесного союза крестьян с пролетариями города. Тысячами жизней, разрушением города Кустаная, разгромом многих поселков поплатились кустанайцы за ошибку, совершенную ими в мае — июне 1918 года, когда они отказались встать на защиту советов. Вместо „демократичекого рая" крестьяне Сибири получили белогвардейский ад, вместо народного управления они получили власть царского адмирала Колчака, который объявил себя „верховным правителем" и мечтал стать диктатором всей России. И только испытав все ужасы белого террора, кустанайские крестьяне, а потом и крестьяне всей Сибири окончательно повернули в сторону советов, против Колчака.

Нам придется несколько подробнее остановиться на отдельных вопросах, не получивших в сборнике исчерпывающих ответов.

Первый вопрос: почему большинство крестьян Кустанайского округа не встало на защиту советов в мае — июне 1918 года, во время выступления чехословаков и русских белогвардейцев?

Чтобы ответить на этот вопрос, надо хотя бы немного коснуться экономики Кустанайского края.

К моменту восстания округ занимал территорию в 528 квадратных километров с населением около полумиллиона человек.

Основное занятие населения — земледелие. Посевная площадь перед войной 1914 года — 604 000 десятин, при-

чем крупные кулаки засевали по 500 и 1000 десятин.

Земледелие велось варварским способом. Распахивались лучшие земли, снималось 2—3 урожая, и кулак переходил на другой участок. Обилие земли, отсутствие помещиков, высокая урожайность (100—120 пудов с га без удобрений), наличие лугов,—все это точно магнит притягивало в Кустанайский округ тысячи переселенцев. Но если некоторые переселенцы, прибывшие в округ до войны и ранее, успели разбогатеть и стать кулаками, то прибывшие во время войны не успели даже обзавестись хозяйством и остались бедняками.

К моменту восстания чехословаков положение в округе было таково: основной состав крестьян — середняки, причем большой процент их рос и креп в сторону кулаков. Высок был процент кулаков и, наконец, значительна была прослойка переселенцев-бедняков, ютившихся в землянках.

С какими лозунгами шли эсэры и меньшевики против советов?

1. Созыв учредительного собрания.
2. Свобода торговли и восстановление частной собственности.

Эти лозунги целиком удовлетворяли кулаков, манили мелкобуржуазную зажиточную верхушку середнячества и нейтрализовали остальную часть середняков, хотевших присмотреться: что выйдет.

Поэтому, когда восстали чехословаки, эсэры и меньшевики, то на их стороне сразу же оказались кулаки и зажиточная часть середнячества. Нейтральная часть середняков также считала себя „обиженной“ советами, которые брали хлеб для армии и рабочих по низкой цене. Таким образом, на нашей стороне в округе были, кроме городских рабочих, только бедняки.

Таково было положение. Нет нужды скрывать, что кулаки и часть зажиточного крестьянства были против нас, это было бы на руку контрреволюции. Эту истину приходится повторять потому, что находятся лже-историки, авантюристы типа Борозенцова, утверждающие, что „мужики бросали работу и... требовали отправки на фронт“. Сей горе-историк не знает, что трудность нашей борьбы с чехами и заключалась именно в том,

что кулак и зажиточный середняк пошли против власти советов, а остальная часть середнячества, если и не поддерживала чехов, то во всяком случае не помогала нам, а подчас мешала представителям советов заготовлять продовольствие для армии.

Становится ясным теперь, почему так легко эсэрам и меньшевикам удалось свергнуть власть Советов в Кустанае.

Перейдем теперь ко второму вопросу. Как же случилось, что крестьянство, помогавшее белым прийти к власти, потом выступило уже против белых?

Известно, что чехословацкий контрреволюционный переворот организовали эсэры и меньшевики, работавшие на деньги международной буржуазии. Известно также, что меньшевики играли роль трамплина, при помощи которого власть получил Колчак — ставленник фабрикантов и помещиков.

Захватив власть в Кустанае 23 июня 1918 года, эсэры сдали ее Колчаку в начале ноября 1918 года. В эти месяцы эсэры и меньшевики немало „поработали“ над уничтожением советских работников и ликвидацией завоеваний Октябрьской революции. Социал-лакеи типа Слесарева и Некрасова все сделали, все подготовили для прихода к власти Колчака. Но их „работа“ не была оценена колчаковцами, для которых даже меньшевики были „революционерами“.

В начале ноября 1918 года власть перешла в руки „верховного правителя“ Сибири — Колчака, насадившего на шею крестьян помещиков, которых много скопилось в Сибири. Ясно, что помещик не прельщал даже кулаков, ибо они сами метили в помещики.

Но если Колчак не мог ничего дать крестьянам, то брать с них колчаковцы стали весьма ретиво.

На крестьян легла вся тяжесть содержания колчаковского воинства, причем страдало, главным образом, среднее крестьянство, ибо кулачество обслуживало одиночек - офицеров.

Вслед за реквизицией хлеба для армии колчаковцы начали отбирать у крестьян холст, одежду, брички, седла, военное обмундирование и лошадей. Следует отметить, что в связи с воцарением Колчака империа-

листы Англии, Франции и других стран на короткое время сократили присылку белым снаряжения, и колчаковцы усердно пополняли недостатки в продовольствии и обмундировании за счет крестьян. Уже в январе сибирское крестьянство было основательно обобрано колчаковцами, но и потом, когда империалисты стали вновь посылать Колчаку все необходимое, „храброе белое воинство“ продолжало грабить крестьян.

Царствование Колчака превратилось для крестьян в кровавый ужас, никто не был уверен в завтрашнем дне. Приезд на село какой-либо части белых вызывал у крестьян страх, предстояли грабежи, порка, а иногда и расстрел.

Сибирь наводнилась атаманами. Бездарный прапорщик делался полковником. Полковник Сахаров, прозванный „бетонноголовым“, стал генералом, а затем и министром Колчака. Полковник Дутов, известный лихой рубкой пленных, тоже стал генералом, атаманом. Кокаинист Анненков также превратился в генерала и атамана. На долю кустанайцев выпал жребий терпеть гнет самых отчаянных головорезов уголовного типа: Дутова, Анненкова и Сахарова.

Если в тылу белые легко расправлялись с беззащитными крестьянами, грабя их имущество, насилуя женщин и устраивая погромы, то на фронте „храброе белое воинство“ не проявляло особых доблестей. Красные войска, будучи малочисленнее противника, все же теснили колчаковцев.

Для усиления фронта Колчак в феврале решил произвести мобилизацию нескольких возрастов. Мобилизация была объявлена, но на призывные пункты пошли только кулаки, да и то не все. Середняки, беднота и, особенно, бывшие фронтовики остались дома. Войны они не хотели. Перед большинством крестьянства стал вопрос: за что и против кого воевать?

За родину, за Россию, которая защищается неизвестно почему чехами, англичанами и французами, „патриотизм“ которых сказывается лишь в отправке на родину русского добра?

За Колчака, который вводит старые порядки, войска которого грабят крестьян?

Воевать, но против кого? Против рабочих и таких же крестьян, как и они?

Воевать против рабочих потому, что они прогнали генералов, помещиков и фабрикантов? Но ведь крестьяне Кустаная теперь страдали именно от генералов и капиталистов.

И большинство кустанайских крестьян решило: они не пошли на войну против рабочих и крестьян, они стали дезертирами.

Дальнейшее не требует объяснений. Белые стали посылать в деревни карательные отряды для ареста дезертиров и доставки их на призывные пункты. Зверства этих отрядов общеизвестны, они переполнили чашу терпения крестьян, и тогда началось знаменитое Кустанайское антиколчаковское восстание. Опять таки целиком оправдались слова В. И. Ленина о том, что „когда крестьянин испытал, что Колчак — это представитель диктатуры самой эксплоататорской, хищнической диктатуры помещиков и капиталистов, хуже царской, он после этого организовал тот громадный ряд восстаний в Сибири, который теперь обеспечивает нам полный возврат Сибири" (Ленин, том XVI, стр. 410).

Третий вопрос — о пролетарском и коммунистическом влиянии на деревню, на ход и исход восстания — ясен и о нем не нужно было бы говорить, если бы не было попыток со стороны некоторых „историков" (Борозенцов, Виенко, Романов), отрицающих наличие коммунистического, пролетарского, городского влияния на кустанайские события. Доказать это не трудно.

В настоящем сборнике говорится о приезде в Кустанай матросов из Кронштадта. Эти матросы организовали переворот и установили власть советов.

В сборнике говорится о приезде в Кустанай матроса Попова, рабочих Георгиева и Тропова из Свердловска. Эти товарищи положили начало кустанайской парторганизации.

В Совете были приезжие большевики, кустанайские рабочие (мельничные), железнодорожники. Они постоянно дрались за поддержку всех мероприятий центра.

Наконец, в настоящем сборнике рассказывается о большой подпольной коммунистической работе ячеек

во Введенке, Александровке и других поселках. Организаторами восстания были Летуновы, Иноземцев, Кальментьев, Воробьев и десятки других коммунистов.

Спрашивается, какие еще нужны доказательства эсэрствующим историкам, утверждающим, что кустанайские события разворачивались вне пролетарского, коммунистического влияния. Наоборот, можно смело сказать, что если бы не было матросских и свердловских отрядов, уполномоченных Свердловска, инструкторов Красной гвардии, присланных из центра, словом, если бы не было коммунистического влияния, то не было бы и кустанайских событий.

Остается выяснить последнее: почему восстание было подавлено.

Основное, конечно, заключается в неравенстве сил. В нашей партизанской армии было 25 000 безоружных, а белые послали под Кустанай лучшие свои силы. Разгром восстания был неизбежен.

Можно было бы, конечно, держаться дальше, можно было бы уйти на Орск и дать Красной армии 25 тысяч новых бойцов; это не было сделано из-за отсутствия в армии крепко сколоченной коммунистической организации.

Коммунистов было немного, они были разрознены, боевая обстановка не дала им возможности объединиться. Слабость коммунистической прослойки дала возможность авантюристу Жиляеву держать армию в своих руках. Жиляев импонировал армии. Отчаянный демагог с анархистско-бандитским уклоном, он окружил себя такого же типа помощниками и, хорошо зная крестьян, играл на их темных инстинктах. Он сулил организовать кустанайскую „трудовую республику" с центром в селе Боровое, где жили его родичи, он щедро дарил своим людям захваченное добро, и эти люди готовы были пойти за него в огонь и в воду, ибо знали, что без него они погибнут.

Небольшая коммунистическая прослойка могла сделать немногое: не допускать грабежей и пьяного разгула, заботиться о наведении дисциплины и порядка. Это было обеспечено во все время существования армии.

В сборнике недостаточно, даже можно сказать—плохо с теоретической стороны, разработан вопрос об Алаш-Орде, этой националистической контрреволюционной казакской организации. Дан только фактический материал, рисующий предательскую деятельность алашордынцев, разоруживших партизанский отряд тов. Тарана и выдавших партизан белым..

Получилось это так потому, что теоретическая разработка материала об Алаш-Орде, да и о самом Кустанайском восстании перед авторами — обычными партизанами и составителями сборника—людьми довольно слабыми в теории, не ставилась да и не могла быть поставлена, ибо этим делом должны заняться научные учреждения или историки, работающие над обобщением всего опыта гражданской войны..

Несколько слов необходимо сказать о том, как и кем писался этот сборник, как шла обработка материала.

По инициативе Кустанайского истпарта и комиссии красных партизан (Рогодев, Голубых, Самсонов) в 1932 году тов. Ужгин был приглашен в Кустанай для сбора документов. Он проработал в Кустанае около трех месяцев и привез в Москву около 200 воспоминаний красных партизан. Весь этот сырой материал мне пришлось сверять, собирать находящихся в Москве товарищей, писать письма и прорабатывать на редакционной комиссии, которая была утверждена Кустанайским РК ВКП(б) в составе: И. Грушина (ответств. редактор), Кальментьева, Воробьева и Ужгина. Таким образом, каждая строчка сборника просмотрена редколлегией и проживающими в Москве кустанайцами Фроловым, Гречко, Завадовским. Сборник — не труд одиночки, а коллективное творчество сотен красных партизан.

Огромную помощь в деле появления сборника в свет оказал нам Кустанайский РК ВКП(б), внимательно следивший за ходом всей работы и по существу организовавший сбор всего материала.

И. Грушин

г. Ленинград,
апрель 1934 г.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Подготовка к Октябрю

Март 1917 года. С большим опозданием дошло до сел и аулов Кустанайского округа известие о Февральской революции. Весть о свержении царя была принята кустанайцами равнодушно. Немного помитинговали, арестовали на несколько дней полицеймейстера и успокоились. К власти пришли купцы, представители мелкой чиновной челяди, „народные крестьянские представители“ эсэры, необычайно быстро расплодившиеся, точно поганые грибы на мокром месте, и два, три меньшевика-кооператора. Сменились вывески над входами в учреждения, но положение осталось прежнее: власть осталась у капиталистов.

Дельцы, прасолы, кулацкая свора благодушествовали, открылись широкие возможности для спекуляции и политических интриг. Нажива — вот что не давало покоя мелкобуржуазной ораве, почти не затронутой войной. Удаленный от центра Кустанай был глубоким тылом империалистической войны; острый продовольственный кризис, охвативший в 1916—1917 году все крупные промышленные центры, в кустанайских условиях не чувствовался: на полях чернели скирды необмолоченного хлеба, а в амбарах многих крестьян хранились запасы двух урожаев.

Прошло два месяца. Старая империалистическая телега по-прежнему скрипела. Единственный результат смены властей сказался... в повышении цен на хлеб. Тяжесть войны кустанайская буржуазия перекладывала

ясь с врагом, героически умирает за родину. Крестьяне должны дать фронту хлеб и другие продукты, а также пополнить ряды армии, дабы победить врага. Мы должны выйти из войны победителями. Мы не одни, с нами союзники — Англия и Франция. В нашей армии стала падать дисциплина. С этим явлением мы должны бороться, как с предательством, вплоть до расстрела.

После речей Луб поставил на голосование вопрос об отправке на фронт продовольствия и о пополнении армии людьми. Сочувствующие большевикам солдаты внесли предложение—отправить хлеб в первую очередь голодающим рабочим Петрограда и Москвы. Это предложение было поддержано большинством депутатов совета. Поднялся шум, и решение формально принято не было. Эсеры, меньшевики и оборонцы, бросив совету обвинение в измене родине, заявили о своем выходе из совета.

Большевистски настроенное большинство совета, одержав победу, тем не менее, не довело ее до конца: оно не использовало настроения солдатских масс, требовавших разгона городской думы и передачи всей власти советам. Власть надолго осталась у меньшевиков и эсеров.

После Октябрьской революции вопрос о власти снова обсуждался в совете и в городской думе, причем на стороне думы было все офицерство находившегося в Кустанае 246 пехотного полка. Совет постановил: „взять полноту власти в свои руки", но городская дума не подчинилась и по прежнему продолжала работы.

Октябрьский переворот в Кустанае совершили кронштадтские матросы.

Первый ревком в Кустанае

В конце октября (по старому стилю) 1917 г. в Кустанай приехали из Кронштадта 50 человек матросов под командой Василия Чекмарева, матроса машинной школы. Все они были хорошо вооружены винтовками, наганами и бомбами.

Отряд приехал с целью скорейшей отправки в столицу хлеба и официально не ставил перед собой непосредственно политических задач, хотя не исключалась возмож-

ность устройства собраний и митингов. Такая тактика в то время была вполне понятной и целесообразной: советы не всюду еще окрепли, и во многих городах власть находилась в руках соглашателей и буржуазии.

О поездке отряда из Ленинграда в Кустанай и о первых днях его работы в городе матрос Грушин один из участников отряда, рассказывает:

„Дорога была спокойная. Если отряд где-нибудь и задерживали, то ненадолго. Стоило только выйти „пятку" ребят, и сразу же давалось отправление. Один вид бравых, здоровых матросов в больших белых папахах и сибирских зимних шубах действовал лучше всяких мандатов.

В Кустанай отряд прибыл днем на пятые сутки. Квартир не было. Отряд остался в вагоне, а Чекмарев и я поехали в город и расположились в номерах Шублебиных. Сибирская дешевка, обилие продуктов, необычайно любезное, гостеприимное отношение населения на первых порах изумляли матросов. Но потом, когда жители узнали, что приехали из Питера большевики, отношение их к отряду круто изменилось.

Отряд быстро освоился с экономическим положением края, было подсчитано, что можно взять, выяснено, на всякий случай, настроение солдат гарнизона, какие есть партийные группировки, и только после этого матросы стали действовать.

Отряд Чекмарева застал Кустанай в самом нелепом положении. Были две власти без власти, ибо вся сила находилась в рука военных. Поняв это, отряд Чекмарева решил обработать полк. Зная, что солдаты сочувственно относятся к большевикам, матросы принялись разоблачать политику соглашателей.

Первый большевистский митинг был организован в казарме 246 полка. От отряда выступили Чекмарев и я, а от соглашателей рабочий Матвеев. Митинг затянулся на несколько часов; выступления матросов покрывались криками „ура",— это был форменный рев, а Матвеева и двух офицеров... освистали. Солдаты приняли резолюцию о переходе власти к совету и в довершение чуть было не избили Матвеева. Только вмешательство Чекмарева спасло его от расправы.

Чекмарева и Грушина за выступление на митинге власти хотели арестовать, но, побоявшись возмущения солдат, оставили их в покое. С этого дня началась энергичная борьба с меньшевиками и эсерами. Матросам, далеко не развитым, было трудно бороться с организицией эсэров, в которой объединялись все „интеллигентные" силы Кустаная: учителя, офицерство, врачи и т. д. Борьба шла на заседаниях думы, уездной земской управы, на различных собраниях. Произносились зажигательные речи, происходили скандалы. И всюду среди трудящегося населения матросы пользовались успехом. Это и понятно: октябрьские советские лозунги, с которыми выступали матросы, отвечали запросам трудящегося населения. Успех доставался еще и потому, что матросы действовали дружно, организованно. Подготовив почву, отряд матросов начал действовать решительно.

В первый день „рождества христова" матросы захватили все учреждения, телефонную станцию, телеграф, поставили везде охрану из надежных солдат 246 пехотного полка и организовали ревком. Переворот прошел без жертв, так как буржуазия и ее лакеи — социал-соглашатели, в угоду христианскому обычаю, заняты были праздником.

Революционный комитет под председательством Чекмарева приступил к работе. В состав первого революционного комитета вошли: Чекмарев, Грушин, Фролов, Стукалов и Боков.

После распределения обязанностей ревком немедленно приступил к организации Красной гвардии. Офицеры, которых насчитывалось до 300 человек, были взяты на учет. Началось изъятие оружия у контрреволюционного элемента. По городу и уезду был опубликован приказ: вся власть отныне принадлежит Военно-революционному комитету; на местах, в поселках, в аулах приказывалось организовать ревкомы. Городскую думу ревком объявил распущенной (ликвидированной).

Члены ревкома работали днем и ночью. На 30 декабря был намечен созыв съезда советов. К рабочим и солдатам ревком обратился с призывом добровольно вступать в Красную гвардию. Был издан приказ о сдаче

населением оружия, о введении разрешений на право иметь оружие.

На первых порах население отнеслось к перевороту безразлично, но затем, под влиянием агитации буржуазии и соглашателей против „захватчиков-большевиков", настроение изменилось далеко не в пользу переворота. Офицерство и эсэры повели борьбу с ревкомом. Они агитировали против приказов, издававшихся ревкомом, организовали покушение на предревкома тов. Чекмарева, ранив его из-за угла. Раненый Чекмарев уехал в Питер, а вместе с ним уехал почти весь отряд, захватив с собой два эшелона (около 100 тысяч пудов) хлеба.

Покушение на Чекмарева вызвало негодование среди солдат и рабочих. Они теснее сплачивались вокруг ревкома и тщательно охраняли его состав. Ревком начал принимать репрессивные меры против поднимавшей голову контр-революции: было арестовано несколько офицеров, а на отдельных купцов наложили контрибуцию. Но это не остановило буржуазию, которая через Городскую думу добилась созыва совещания городских „деятелей". На совещании был выбран представитель в ревком—штабс-капитан Алекрицкий.

Избрание Алекрицкого в ревком было политическим маневром эсэров и буржуазии, которые надеялись через своего человека овладеть руководством ревкома и смягчить репрессии против контрреволюционеров и богатеев.

Впоследствии так и произошло. Офицер Алекрицкий явился не только предателем ревкома, но и душою заговора против Советов; он подготовлял вооруженное восстание". (И. Г р у ш и н. „Прол. революция". 1926г. № 9).

Вооруженное выступление буржуазии

В январе 1918 года (17 и 18 числа) ревком созвал съезд советов. На съезд явились представители из поселков и аулов. Эсеры и меньшевики приняли активное участие в работе съезда, стараясь захватить руководство будущим исполкомом. В президиум съезда вошли: Летунов, Таран, Дощанов и другие. Съезд прошел вяло.

В исполнительный комитет было избрано 105 человек. Социальный состав исполкома был разнообразный:

бедняки, служащие, кулаки, баи, середняки; произошло это потому, что к участию в выборах делегатов на съезд были допущены все граждане, в том числе кулаки и баи.

Внутри исполкома шла ожесточенная борьба между политическими группировками. Эсэры и меньшевики тянули исполком на соглашательство с буржуазией, сплотившейся вокруг городской думы и земской управы. Депутаты сельской бедноты, несколько приезжих большевиков и незначительная группа сочувствующих большевикам всячески противодействовали этому. Среди депутатов особенно выделялся непримиримостью к контрреволюционному соглашательству Таран, делегированный из поселка Назаровского.

Малограмотный и политически недостаточно развитой, он обладал исключительной энергией и инициативой. Вокруг Тарана сколачивалась группа таких же, как он, бедняцких делегатов. Это спасло первый совет солдатских, крестьянских и киргизских депутатов от сползания на полное соглашательство с органами буржуазии — городской думой и земской управой, продолжавшими существовать рядом с исполкомом и подрывать его авторитет.

Ясно, что исполком в свою очередь дискредитировал городскую думу и земскую управу, предписывая населению не выполнять распоряжений этих органов. Через некоторое время дума была объявлена распущенной и взамен ее был учрежден Совнархоз, руководство которым было возложено на члена исполкома Кугаевского. Взамен земских управ на местах начались выборы волостных и сельских советов.

Шла большая организационная и агитационная работа по перестройке государственного аппарата на основе поступающих из центра директив.

Все внимание депутатов совета, сплотившихся вокруг Тарана и стоявших на платформе советской власти, сосредоточивалось на укреплении советской власти в городе и в селах через привлечение в советы, главным образом, бедноты.

Увлеченные задачами по укреплению сельских и аульных советов, руководители исполкома, в том

числе и Таран, недоучли, однако, надвигающейся со стороны офицерства опасности и не приняли своевременно мер предосторожности. В распоряжении исполкома был незначительный отряд Красной гвардии в 70 человек и красногвардейский отряд в 18 человек на станции Кустанай, состоящий из железнодорожных рабочих. Кроме этого, была вооружена часть солдат местного гарнизона, стоящего на стороне совета, и оставшиеся для работы в г. Кустанае матросы.

Но земские заправилы и офицерство в это время не дремали. В Кустанай стягивались демобилизованные и бежавшие с фронта белые офицеры. Они входили в связь с купцами, прасолами, эсэрами, меньшевиками и подготовляли восстание.

Заговором руководили поручик Мартынюк и штабскапитан Алекрицкий, пробравшийся в президиум совета. Алекрицкий был в курсе всей работы исполкома и знал точно его вооруженные силы. Он связался с командным составом местного гарнизона, с эсэровской группой, во главе которой стояли учитель Жуков, лабазник Давид Михалев и начальник станции Кустанай Филев.

Контрреволюционеры ждали подходящего для восстания повода, который вскоре представился.

Коменданту станции Кустанай (он же командир железнодорожного красногвардейского отряда) Кононову центром было поручено отбирать у возвращающихся с фронта солдат оружие и обмундирование. Солдаты противились этому и естественно, что создавалось массовое недовольство действиями Кононова. В то же время на кустанайском базаре шла спекуляция солдатским обмундированием. Наблюдались случаи продажи солдатами боевого оружия: наганов, карабинов, сабель. Кононов решил сделать на базаре облаву и арестовать скупщиков оружия и обмундирования. Это было 18 марта 1918 года.

Кононов шел по рынку в сопровождении четырех красногвардейцев. Увидев его, торгаши повели агитацию, подговаривая солдат схватить и убить ненавистного комиссара. Кононова окружили и стали осыпать площадной бранью. Кто-то ударил Кононова палкой

Защищаясь, Кононов выстрелил в толпу, убил спекулянтку Юськову и ранил двенадцатилетнего мальчика. Толпа набросилась на Кононова с кулаками, грозя смять сопровождавших его красногвардейцев. Кононов выхватил из-за пояса бомбы. Толпа расступилась. Воспользовавшись этим, Кононов с красногвардейцами направился в здание уисполкома, находившееся рядом с рынком.

Весть об убийстве спекулянтки Юськовой и ранении мальчика с быстротою молнии облетела город. На площадь к уисполкому сбежалось много людей. Все офицерство, купцы, прасолы, весь эсэровский комитет, словом, все активные силы контрреволюции потянулись на площадь, чтобы поднять неорганизованную толпу на штурм совета.

В совете в это время происходило заседание. Ворвавшись в здание, Кононов закрыл дверь. Члены совета немедленно организовали самооборону и решили защищаться. Толпа, осаждая совет, кинулась к оружейному складу, находившемуся на противоположной стороне улицы в быв. магазине Башкирова, и приступила к взлому замков и дверей. Из окна здания уисполкома члены уисполкома, вооруженные винтовками и маузерами, открыли по взломщикам стрельбу. Однако, склад был взломан, и контрреволюционеры получили некоторое количество винтовок и патронов.

Дальнейшее описание этого контрреволюционного восстания правдиво передает красногвардеец Алехин:

„В 10 часов утра в штабе железнодорожной Красной гвардии станции Кустанай, где я дежурил совместно с красноармейцами Салминым К. (машинист) и Войкиным Николаем (сотрудник товарной конторы), раздался звонок по телефону из штаба отряда Кононова: попросили немедленно звать к телефону комиссара железнодорожной Красной гвардии или представителя совета. Я подошел к телефону и услышал голос комиссара отряда Наумова, который сообщил мне о восстании в городе. Наумов требовал сейчас же собрать всех железнодорожных красногвардейцев, выдать им винтовки и вместе с отрядом комиссара Кононова двинуться в город Кустанай к зданию уисполкома для

освобождения осаждаемых белогвардейцами Тарана, Селезнева, Кугаевского и других активных советских работников.

Машинисту маневрового паровоза дали распоряжение подавать тревожные свистки — сигнал для сбора красногвардейцев. Через несколько минут все железнодорожные красногвардейцы были в сборе на вокзале 3 класса станции Кустанай.

Под командой комиссара железнодорожной красной гвардии Светлова и его помощника Полякова красногвардейцы двинулись со станции в город рассыпным строем. Не дойдя до реального училища, отряд был встречен со всех концов улиц города сильным огнем из винтовок. Мы попадали в снег. Затем по команде вперебежку постепенно продвигались вперед по Большой улице к зданию уисполкома, которое было окружено мятежниками со всех сторон и обстреливалось сильным огнем. Перестрелка длилась 2 часа.

В 12 часов дня белые повели на наш отряд контрнаступление сплошной цепью. Нужно сказать, что белогвардейцы не все были вооружены, иначе нам, красногвардейцам и отряду Кононова, не устоять бы перед их большой силой, не удалось бы организованно отступить к вокзалу и уехать из Кустаная на пассажирском поезде.

Необходимо отметить предательскую роль начальника станции Кустанай, некоего Филева, который, предвидя грозящую отряду опасность, поспешил отдать распоряжение дежурному по станции Ершову отправить пассажирский поезд ранее расписания, чтобы отступавшие красногвардейские части под натиском восставших белогвардейских банд не могли погрузиться в поезд. Филев с крыши вокзала подавал условные сигналы наступающим белогвардейцам, чтобы те форсировали свой натиск. Он давал белым понять, что у красногвардейцев на станции подкрепления нет.

Мы не ждали подкрепления со стороны [redacted], стоявшего в то время со своим отрядом на станции Троицк.

Попытка Филева предать нас, однако, не увенчалась успехом. Заметив сигналы с крыши, мы, отступая в

боевом порядке, послали на вокзал красногвардейца Григорьева с заданием — задержать готовый к отправлению пассажирский поезд до тех пор, пока все красногвардейцы и отряд Кононова не прибудут на вокзал и не погрузятся. Григорьев возложенную на него задачу выполнил блестяще.

Он, как только прибежал на вокзал и услышал свисток к отправлению, сейчас же поспешил к машинисту на паровоз и, несмотря на противодействие администрации станции, задержал поезд до прибытия нашего отряда. За исключением двух раненых из отряда Кононова, красногвардейские части погрузились без потерь. Не успел поезд отправиться со станции, как белогвардейские банды приблизились к вокзалу и начали обстреливать состав. В некоторых окнах классных вагонов, где помещались красногвардейцы, пулями были выбиты стекла. На другой день утром мы прибыли на станцию Джаркуль, где нас встретили два эшелона — красногвардейские части из уральских рабочих под командой Толмачева.

В это время город Кустанай, железнодорожная станция, почта и телеграф находились в руках белых. Члены исполкома — большевики, осажденные в помещении совета, воспользовавшись наступлением железнодорожного отряда, оттянувшего к вокзалу силы белых, скрылись из совета и, перейдя на нелегальное положение, приступили к организации Красной гвардии.

В Джаркуле было устроено совещание комиссаров всех отрядов. Решили наступать на Кустанай и усмирить взбунтовавшиеся эсэро-меньшевистские банды во главе с белым офицерством.

Главари белого восстания надеялись на решительную поддержку жителей города и крестьянства из ближайших сел, но население отнеслось к восстанию пассивно. А когда Мартынюк узнал от Филева, назначенного начальником станции, что идет подготовка к отправке красных эшелонов в Кустанай для усмирения бунта, он бросил руководство борьбой и скрылся. Скрылись и другие. Восстание прекратилось. Часть гласных городской думы, взявшая на себя охрану граждан, избрала особую делегацию и послала ее для переговоров с красными.

По прибытии эшелонов советских войск на станцию Озерная Толмачев повел переговоры по телефону с делегацией белых. Все предварительные условия, которые были предложены Толмачевым восставшим, были делегацией приняты безоговорочно. В 4 часа мы отправились из Озерной в Кустанай.

В 6 часов утра 19 марта 1918 года красногвардейские части прибыли на станцию Кустанай, где царила мертвая тишина; на платформе, кроме делегации от городского самоуправления, никого не было.

В 10 часов утра по приказу Толмачева все части были высажены из вагонов и выстроены во фронт. После смотра и приветственного слова Толмачева полк двинулся в город на площадь к зданию уисполкома, где уже находились все члены исполкома и почти все жители города Кустаная.

На площади мы провели митинг. Выступавшие разъясняли задачи советской власти, говорили о партии большевиков, призывая бедноту и рабочих всеми силами поддержать советскую власть, вступать в ряды Красной гвардии и насмерть драться с капиталистами за власть советов. Многие из жителей выходили на трибуну и приветствовали Красную гвардию, заверяя, что они будут стоять крепко за советскую власть.

21 марта советские войска ушли на Уральск против Дутова".

Работа уисполкома второго созыва

После подавления в Кустанае контрреволюционного мятежа перед руководящей группой уисполкома январского созыва встал вопрос о привлечении в состав советов наиболее крепких и политически устойчивых делегатов, главным образом, из бедноты и большевистски настроенных демобилизованных фронтовиков.

Несмотря на наличие в исполкоме матросов, примыкавших по своим политическим убеждениям к большевикам, фракции большевиков в исполкоме не было; фактически исполком не имел сплоченного большевистского

ядра, его руководящая головка была политически неустойчивой.

Контрреволюционный мятеж, организованный офицерством и эсерами, показал, что состав исполкома засорен чуждыми пролетариату и советской власти элементами, очутившимися в дни мятежа по ту сторону баррикад (Алекрицкий, Д. Михалев).

Было ясно, что без освежения новыми преданными пролетарской революции силами, исполкому не справиться с труднейшими задачами по советизации сел и аулов и по борьбе с контрреволюцией, которая была лишь бита, но окончательно не разгромлена. И президиум уисполкома решил созвать второй съезд советов в первых числах апреля 1918 года.

Съезд советов крестьянских, солдатских и казакских (киргизских) депутатов состоялся 3-5 апреля. Из разных волостей Кустанайского уезда на съезд прибыло свыше ста человек.

По социальному составу это были преимущественно люди состоятельные или, как впоследствии их именовали, хозяйственные мужики и баи (кулаки). Произошло это потому, что, как и в январе, выборы депутатов производились „всем миром“ с участием на сходах кулаков.

Дня за три до открытия съезда в помещении уисполкома, в народном доме, началась регистрация делегатов. В графе: „политические убеждения“ против каждой почти фамилии значилось: „трудовик“, „стою на платформе советской власти“.

Борьба за состав президиума началась еще в кулуарах третьего женского училища (Пушкинская улица, 15). В двух классах этого училища находилась канцелярия продовольственной управы. Между делегатами, вновь прибывшими, и членами уисполкома старого состава шли оживленные споры о кандидатах. Сутуловатый, с бегающими кошачьими глазами эсэр Луб сновал в толпе, горячился и жестикулировал, отстаивая преемственность связи „опытных“ членов исполкома в руководстве съездом. Старания Луба, к огорчению руководимой им группы эсэрствующих делегатов, не дали положительного результата: в президиум съезда были избраны С. С. Ужгин, Таран и два казака.